

Эрозия и рецидивы марксистской ортодоксии в теоретических построениях «правого» коммуниста Н.И. Бухарина

Для экспликации логики исторического развития марксизма немаловажное значение имеет сегодня позиция «правых коммунистов» - той части ортодоксальных марксистов, которая, придерживаясь принципа абстрактного тождества в понимании его природы, на практике (во второй половине 20-х гг.) в наибольшей степени приблизилась к адекватному применению методологического потенциала классического марксизма.

Переболев «левизной», Бухарин сумел критически оценить иллюзорность прежних убеждений («некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму»), извлечь для себя теоретически и практически значимые выводы из захлебнувшейся «красногвардейской атаки на капитал». Обращаясь к ленинскому «завещанию», он находит в нем основания для отказа от всесокрушающих «революционных приемов» в пользу «действий реформистских». Вместе с тем, принципиально важно учитывать, что, отмежевываясь от легковесной революционности, чреватой экономической катастрофой, и настаивая на преимуществах рыночного регулирования (с сохранением контроля со стороны государства), «правые» шли значительно дальше ленинского понимания нэпа. При всей неоднозначности в последнем все же отчетливо просматривался акцент на вынужденном характере «отступления». Допуская диктуемые жизнью «компромиссы», монополия партии на власть оставалась для Ленина непререкаемой, т.е. абсолютной истиной. «Реформизм» же бухаринской группы логически вел к отступлению от марксистской ортодоксии, несмотря на то, что не сопровождался формальной ревизией основополагающей установки - идеологической конструкции «диктатуры пролетариата».

Сталин был совершенно прав, утверждая, что на уровне высшего руководства партии во второй половине 20-х гг. были представлены не «оттенки» в понимании «одной общей генеральной линии», а фактически «две линии», во многом не совместимые друг с другом. Разногласия между официальным курсом ЦК и группой Бухарина, Рыкова и Томского в Политбюро были настолько

значительными, что *объективно* переросли рамки внутрипартийных. Однако тот факт, что члены «антипартийного блока» «оппозиционерами» себя не считали, объясняется, конечно, вовсе не их стремлением, как заявляет Сталин, «замазать разногласия, затушевать действительное положение внутри партии, замаскировать свою собственную позицию и лишить партию возможности добиться полной ясности». Напротив, именно для внесения «полной ясности» они и выступили с четким декларативным разъяснением своей платформы, по вполне понятным причинам вызывавшей раздражение у Сталина. Вместе с тем, ни до, ни после выступления на Политбюро со своими программными документами (объявленными апрельским пленумом «секретными»), лидеры «правых» «не решались апеллировать к партийным массам и встать на путь открытой внутрипартийной борьбы... В то время, как троцкисты даже в условиях перехода к подпольным методам борьбы сохраняли свою фракцию, бухаринская тройка проявляла нерешительность в деле организационного объединения своих единомышленников. Ее политическое воображение не поднималось выше попыток создания верхушечных блоков и борьбы за изменение состава Политбюро путем закулисных комбинаций».⁷

Нежелание Бухарина и его союзников давать повод для обвинений во фракционности, или, иначе говоря, оспаривать принадлежность одной, т.е. *общей* «генеральной линии», ведет свое происхождение от ортодоксальной, получившей силу предрассудка установки на *правомерность* обладания *монопольными* властными полномочиями большевистской партией. Ограниченный ею, Бухарин (как, впрочем, и Троцкий) вынужден говорить о «гибельности» линии ЦК, не ставя под сомнение «пролетарскую» исключительность (эксклюзивность) самой партии. Сталин хорошо улавливает такого рода непоследовательность, но делает это лишь для того, чтобы сфабриковать обвинение в «оппортунистическом» перерождении. Представители «фракционного блока» отвергли, по его словам, предложенный Политбюро ЦК «компромисс», суть которого заключается в *одностороннем отказе* (!) от всех сформулированных ими претензий (т.е. является не «компромиссом», как соглашением, достижимым путем *взаимных уступок*, а заурядным шантажом): «Разве это не факт, что этот компромисс давал группе Бухарина *вполне приемлемый* выход из тупика, в который она *сама себя загнала?*.. Разве трудно понять, что Бухарин и его друзья должны были *всеми силами уцепиться* за этот компромисс,... чтобы *ликвидировать* тем самым *остроту* внутрипартийного положения и

1 Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 337, 338.

¹ *создать обстановку единодушной и дружной работы в Политбюро?»*¹ (Курсив мой. - М.К.) Однако в том-то и дело, что подобное, во многом показное «единодушие», имитирующее «дружную работу», (в частности, «при принятии основных тезисов о пятилетке и о крестьянском вопросе») свидетельствовало только о боязни «взглянуть правде в глаза» и «затушевать действительные разногласия в партии». Сталин остается верен себе в стремлении, что называется, «валить с больной головы на здоровую» и лицемерно заявляет о том, что «надо уметь смотреть прямо в глаза действительности, как бы она ни была неприятна».^{2 3}

На деле все обстояло с точностью до наоборот. Не бухаринская «оппозиция», а партийная номенклатура, на которую опирался Сталин в борьбе за власть, «боялась» и не желала «смотреть в глаза действительности», буквально «навязывая» ей программу «разжигания» классовой борьбы. Именно постольку, поскольку ее «господствующим» интересам вполне соответствовал (даже с учетом боязни необузданных прихотей «хозяина») сталинский вариант «казарменного», государственно-феодалного социализма, эта «линия» и возобладала в партии. Проявившееся в аппаратных играх сталинское виртуозное умение «ловить рыбу в мутной воде» было теперь, разумеется, начисто лишено какой бы ни было «растерянности» и «боязни трудностей» (приписываемых «отходу Бухарина от марксистской теории классовой борьбы»). Но та грубая откровенность, с какой Сталин решает судьбу «союзников» и «классовых врагов», отдает не «реализмом в вопросах социологических» (В.И. Ленин), а большевистским цинизмом по отношению к общепринятым нормам морали.

В теоретических рассуждениях Бухарина причудливо сочетаются убежденность в истинности марксистских идеологических постулатов и приверженность тому алгоритму мышления, который можно условно именовать «диалектической интуицией». В этом отношении он выгодно отличался от остальных партийных лидеров, включая Троцкого, хотя критические замечания последнего по адресу Сталина и достраиваемой им по ленинским «чертежам» политической системы и сегодня поражают глубиной проникновения подчеркнуто разоблачительного пафоса. Во всяком случае, солидаризируясь с достаточно высокой ленинской оценкой интеллектуального ресурса Бухарина, именно поэтому нельзя согласиться с тем, что

1 Роговин В.З. Власть и оппозиции. М., 1993. С. 74 - 75.

2 Сталин И.В. Одна или две линии? // О правом уклоне в ВКП (б) // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 226, 227.

3 Там же. С. 228.

этот «не только ценнейший и крупнейший *теоретик* партии... *никогда* не понимал вполне диалектики», а «его теоретические воззрения очень *с большим сомнением* могут быть отнесены к *вполне* марксистским». ¹ (Курсив мой. - М.К.) Это замечание тем более уместно, что и ленинское владение диалектической методологией является весьма *избирательным*. Даже соглашаясь с Лениным в том, что во взглядах Бухарина «есть нечто схоластическое», было бы ошибочным не учитывать его стремление «пополнить свои знания и изменить свои односторонности», чего нельзя сказать о других «вождях».

Вместе с тем, диалектико-интуитивные прозрения Бухарина, столь значимые на фоне культивируемого Сталиным вульгарно-идеологического редукционизма, относятся именно к пониманию созидательного потенциала нэпа. Его теоретическая позиция *научна* в той мере, в какой ставит во главу угла не идеологический, а универсальный марксистский *общесоциологический* критерий (что позволяет, в свою очередь, Сталину рассматривать ее как «приближение к теории катедер - социализма»). Бухаринцы были убеждены в том, что «диктатура пролетариата» (которую они понимали скорее по-плехановски, т.е. как *гегемонию*) совсем не исключает участия мелкобуржуазных слоев и даже кулаков, «врастающих» в социализм, хотя и остающихся «до известной степени чужеродным телом». Смысл нэпа заключается, как справедливо полагал Бухарин, в поисках на пути утверждения плановой системы тех принципов управления, которые позволяют в максимальной степени «использовать *хозяйственную инициативу*» всех слоев общества, развязывая ее «*даже у наших противников*».

Эта вполне реалистическая программа отвергала идею безудержного, волюнтаристского «форсирования темпов» индустриализации, усматривая в ней известную аналогию с тупиковой политикой «военного коммунизма». По словам Бухарина, «с точки зрения *правильно понятых* интересов и рабочего класса, и крестьянства необходимо вести такую политику, которая *давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил*». ² (Курсив мой. - М.К.). Индустриальный потенциал социалистического государства должен был явиться, следовательно, результатом не ограбления крестьянства, а, напротив, его «обогащения» и «накопления в сельском хозяйстве», хотя бы для этого, по выражению Бухарина, пришлось «плестись черепашьими шагами». Он высказывает весьма продуктивные соображения по вопросу о сущности рыночных отношений при социализме в ⁴

⁴См.: Ленин В.И. Письмо к съезду // ПСС. Т 45. С. 345.

¹ Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 337, 338.

связи с опровержением своей причастности к проповеди «свободной игры экономических сил» и «вольного экономического рынка».

Важнейшим условием успешного строительства социалистического общества Бухарин считает развитие кооперации. Расширение кооперативного движения означает, по его словам, «непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества». Здесь, однако, следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, которое обусловлено наличием в этом движении «противоречивых форм». С одной стороны, отмечает Бухарин, крестьянство, несомненно, будет «переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования». С другой, - было бы неверно, как он полагает, «по военно-коммунистическому переоценивать роль коллективных производственных объединений.., неверно, когда утверждают, что это есть *столбовая* дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма». ⁶ Бухарин в данном случае не просто фиксирует рецидивы «иллюзий, мешавших правильной политической работе», а развертывает достаточно убедительную систему аргументации в пользу того, что «разные слои крестьянства, несомненно, будут *по-разному строить кооперацию* и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние». (Курсив мой. - М.К.)

Отстаивая, следовательно, многообразие форм кооперативного движения и не сводя его (даже в перспективе) *исключительно* к практике колхозного строительства, Бухарин в этом отношении занимает позицию, близкую той, которой придерживается экономист-аграрник А.В. Чаянов. Последний квалифицирует в качестве «чрезвычайно распространенного заблуждения» мнение о том, «что существующее частичное кооперирование хозяйств есть *только переходная фаза* и что со временем все процессы сельскохозяйственного производства будут кооперированы в «интегральную» земледельческую артель, своего рода земледельческую коммуну». ^{7 8} (Курсив мой. - М.К.)

Вместе с тем, в отличие от Чаянова, Бухарин исходит из традиционного для

5 Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 180.

6 Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах. Доклад на собрании актива Московской организации. 17 апреля 1925 г. // Избранные произведения. М., 1988. С. 140.

1См.: Бухарин Н.И. Избранные произведения. С. 183, 142. ³

8 Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. С. 216.

ортодоксального марксизма противопоставления «буржуазной» и «социалистической» кооперации. Иллюзорным преимуществам «экономической организации пролетарской диктатуры» он придает решающее значение. За скобками сугубо классовой оценки кооперативного движения у Бухарина остаются вопросы о том, насколько значимы кооперативы для самого сельскохозяйственного населения и, соответственно, какова их экономическая эффективность и прогрессивная роль в эволюции капиталистического способа производства в целом. Если А.В. Чаянов констатирует «заметные» успехи кооперативного движения уже «в условиях господства капитала», то Бухарин улавливает лишь связь между теоретиками «так называемого «аграрно-кооперативного социализма» в Западной Европе» и отечественным направлением в русле концепции «некапиталистического пути развития», среди представителей которого он выделяет Н.Н. Суханова. «Это, - по его словам, - конечно, *совершенно неправильная система взглядов*».¹ (Курсив мой. - М.К.)

Несомненный интерес представляет оценка Бухариным новых форм классовой борьбы в ходе строительства социализма. Он не только не затушевывает наличия классовых противоречий, но указывает на то, что классовая борьба «будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще». В условиях капитализма, отмечает Бухарин, «постоянной задачей является всемерное *обострение и разжигание* классовой борьбы». Поэтому «партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией *гражданской войны*». Положение кардинально меняется, когда на смену «диктатуре буржуазии» приходит «диктатура пролетариата», авангард которого «становится партией *гражданского мира*, т.е. требует подчинения рабочему классу со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп». Весьма симптоматично, что «основной и главный вывод», сделанный Бухариным, заключается в том, что превращение пролетариата в «господствующий класс» несовместимо, по его мнению, с политической практикой «применения вооруженной силы» и физической расправы (за исключением, разумеется, случаев открытого и организованного сопротивления с оружием в руках) даже по отношению к буржуазии и всем «бывшим противникам этой власти», ибо «этим слоям волей-неволей *приходится мириться* с существующим порядком вещей». По смыслу его высказываний, продолжение гражданской войны, в том числе и в виде искусственного разжигания («проповеди») классовых страстей, противоречит взятому курсу на «внутреннее

1 Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 337, 338.

замирение» и «мирную строительную работу». Эта линия, возведенная Сталиным в 30-е годы в норму государственной политики, деструктивна уже постольку, поскольку, по выражению Бухарина, означает «разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества». Существенно изменив свои формы, продолжающаяся классовая борьба, отмечает Бухарин, становится «более целесообразной» и выражается в создании особых льгот и преимуществ для кооперативных организаций, в наличной «системе налогового обложения» капиталистических предприятий, лишении «предпринимательских кругов» избирательных прав, все более устойчивой конкуренции со стороны государственной промышленности и торговли. *Постепенное вытеснение* в этом процессе частного предпринимателя и ведет к победе в классовой борьбе. Но это «победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а в совершенно новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немислимой для рабочего класса и крестьянства».¹

Моделируя динамику классовой борьбы как в городе, так и в деревне на ближайшую перспективу, Бухарин не снимает, таким образом, с повестки дня задачу полного перехода «к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся». Но «частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы», не подрывает, а «способствует», по его словам, укреплению финансовой и банковской системы, развитию транспорта, возрастанию мощности «государственной промышленности - этой основной базы, основного фундамента социалистического общества». Подчиняя политику «классовых боев» развернувшейся «победоносной хозяйственной борьбе» и подлинно социалистическому критерию «роста всеобщего благосостояния», Бухарин приходит к выводу, опровергнутому впоследствии сталинской практикой 30-х годов: «По мере нашего роста и по мере укрепления этих, как их называют, *«экономических командных высот»* мы могли все более решительно разжимать наш зажим по отношению к частному предпринимателю - мелкому и среднему.^{9 10} (Подчеркнуто мной. - М.К.)

Учитывая неоднозначную (противоречивую или двойственную) сущность «революционного насилия», Бухарин не отрицает его значимости, а лишь избегает

9 Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. С. 187.
10 См.: Там же. С. 188, 191, 189.

вульгарно-идеологической *абсолютизации*. Одновременно жертвует идеологической «чистотой» марксистской ортодоксии, он попадает в весьма затруднительную (если не безвыходную для всего «правого уклона») ситуацию, во многом схожую с той, в которой оказался в свое время Г. В. Плеханов. Что же касается интерпретации *логики* развития марксизма в целом, он, действительно, остается революционным «схоластом», впрочем, как и все без исключения ортодоксы. На его примере хорошо просматривается та *фундаментальная* особенность, которая свойственна радикальному направлению в марксизме: *диалектическая логика теряет все свое критериальное значение в теоретической области, как только абсолютизируется ее идеологическая функция*.

В марксизме Бухарин различает «две ипостаси единого целого: разрушительную, деструктивную и созидательную», а также его «социологическую» и «логическую» стороны. Если «социологически марксизм, - по его словам, - есть идеология революционного пролетариата», то «логически» это «*научная система, научное мировоззрение и научная практика*».¹ Наличие в марксистской теории идеологического и научного аспектов, разумеется, вовсе не свидетельствует, как справедливо полагает Бухарин, «о *дуалистической* природе Маркса-ученого и Маркса-революционера». Эти субстанциальные параметры его учения отнюдь *не равнозначны* в гносеологическом и социологическом измерениях. Однако «идеологическая доминанта» марксизма «вбирает в себя», по мысли Бухарина, и все без *остатка* его *научное* содержание.

В понимании соотношения «составных частей» марксизма Бухарину не удастся выявить их *диалектическое* (противоречивое) единство, т.е. выйти за рамки абстрактного тождества. Подобно Ленину он не учитывает *принципиального отличия* между идеологией «совершенно *особого* класса», с одной стороны, научным и философским знанием, - с другой. Критикуя, в частности, многочисленные попытки «сконструировать гибельное противоречие между *экономическим* учением Маркса и его теорией *пролетарской диктатуры*» (подчеркнуто мной. - М.К.), Бухарин вообще не усматривает в их корреляции даже намека на какое-либо *несовпадение*. Диктатура пролетариата, которая, по его словам, «кроме единодержавия класса, включает особый момент *несвязанности* даже своими собственными законами», тем не менее, «в высочайшей степени *рационализирует* весь жизненный процесс общества в целом; классовая борьба пролетариата, организованного, как государственная власть, принимает

¹ Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 337, 338.

многообразные формы, пропитывая все области общественной жизни, от техники до философии включительно».^{11 12} (Подчеркнуто мной. - М.К.)

По справедливому утверждению Бухарина, «любая идеология, любое мировоззрение, любое вероучение и любая доктрина имеют свои земные корни» и, следовательно, недопустимо их «абстрактное, *внеисторическое* рассмотрение». Кажется бы, это сформулированное марксизмом «общее положение» должно распространяться и на его собственный «социальный генезис». Однако, подчеркивая безусловную заслугу Маркса в продуцировании «творческого синтеза всех мыслительных завоеваний» *своего времени*, обусловившем «в то же время невиданный синтез *теории и практики*» (подчеркнуто мной. - М.К.), Бухарин *односторонне* (т.е. вопреки принципу диалектического тождества объекта и субъекта) интерпретирует как раз то обстоятельство, что современный ему марксизм уже «вырос» из узких исторических рамок *прежней* эпохи *домонополистического* капитализма. С присущей ортодоксам идеологической «слепотой» (в виде своеобразного, по терминологии Бухарина, «идеологического рефлекса»), он воспроизводит «революционные» постулаты марксизма, краеугольным камнем которых выступает установка на «диктатуру пролетариата». «Глубочайший революционный *историзм*, который пронизывает все учение Маркса, от его самых обобщающих вершин до непосредственно практических выводов», трансформируется и *консервируется* в «ипостази» охранительной функции «государственно-признанной идеологии».

В этом Бухарин видит наиболее глубокую «сущность марксова учения», последовательная конкретизация (а, значит, и обогащение) которой образует «историческое лицо... *ленинского* марксизма».¹³ Указывая на «принципиальную новизну» и «оригинальность» выдвинутых Лениным теоретических положений, Бухарин решительно возражает против попытки представить его в облике только «гениальнейшего практика рабочего движения». В этой связи, чтобы избежать «недоумения», своеобразие ленинского этапа подается сквозь призму еще одного ракурса в интерпретации марксизма. «Под ним, - отмечает Бухарин, - можно подразумевать две вещи: или перед нами методология - система методов исследования общественных явлений, или - это определенная сумма идей, - скажем, мы

11 См.: Бухарин Н.И. УЧЕНИЕ МАРКСА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. 1933 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 331, 335, 336.

12 См.: Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 414 - 415.

13 Бухарин Н.И. ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ. Доклад на торжественном заседании Коммунистической академии 17 февраля 1924 г. // Избранные произведения. М., 1988. С. 62

сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и пр. и, *кроме того*, включаем целый ряд *конкретных* положений, т.е. берем марксизм не только как метод или теоретически сформулированную методологию, но берем целый ряд *конкретных приложений* этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса... Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая сумма конкретных положений. В этом условном смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизирующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом». ¹ (Подчеркнуто мной. - М.К.)

Вопреки мнению Бухарина, ленинский вклад в сокровищницу марксизма далеко не соответствует предложенным им критериям. Из всей генерированной Лениным «суммы идей» наиболее «оригинальными» являются как раз те, где он добился «расширения» исследовательского «поля» не за счет использования универсальной диалектической «методологии, которая заложена в марксизме», а благодаря отступлению от нее вследствие абсолютизации потенциала идеологической теории. С противоположной на этот счет точкой зрения Бухарина можно было бы согласиться к тому же лишь в том случае, если бы Ленин сумел освоить все классическое наследие. Но он, как известно, не смог этого сделать отчасти по независящим от него причинам, но во многом следуя опять-таки избирательной логике идеологических предпочтений. Однако ни Ленина, ни Бухарина неполнота такого рода, собственно говоря, нестораживает. Ведь, например, марксистская философия, выступающая «как величественное теоретическое построение, которое вобрало в себя все действительно ценное, что дало развитие человеческой культуры и человеческой мысли», *возникнув*, ни в каких «ценных» приобретениях *вне* марксизма, по их общему мнению, более уже не нуждается.

Бухарин вполне обоснованно (исключая абсолютизацию термина «буржуазная наука») полагает, что влияние Маркса на сферу научного познания непре-

¹ Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 337, 338.

равно растет, но «выражается в разных формах: марксизм то является объектом ожесточенной критики, ибо мимо него нельзя пройти никому; то он является причиной антитетических построений, и его могущественный напор сказывается в теориях, где каждое принципиальное положение его берется с другим логическим знаком; то он служит источником, откуда усваиваются отдельные части, с обычным «смягчением» всех революционных «углов»; то он «принимается» для того, чтобы быть задушенным «посредством объятий», и т.д... Его [Маркса. - М.К.] «признание» началось с признания как *экономиста*, затем оно продвинулось в область *истории и методологии истории*, и теперь оно начинает оказывать все большее влияние на *философию и естественные науки*... В европейской экономической литературе нет ни одного мало-мальски крупного ученого, который теперь осмелился бы просто «замолчать» Маркса. В области *истории и методологии истории* теперь уже никто не решается пройти мимо так называемого «экономического фактора». Все выдающиеся историки так или иначе подпадают под влияние Марксова гения.»¹

Придерживаясь «общего правила» всех ортодоксальных марксистов, Бухарин акцентирует внимание на значимости того качественно нового «синтеза», который приобретают в учении Маркса его «составные части» *в их единстве*. Однако в «синтезе революционной *теории* и революционной *практики*» теоретическое знание, представленное в идеологии, философии и науке, сливается настолько, что становится, в лучшем случае, трудно различимым. К последовательному и углубленному *аналитическому* «расчленению» марксизма, которое «синтез» не только не исключает, но предполагает в качестве обязательного условия своей продуктивности, - Бухарин фактически не прибегает, хотя не ставит под сомнение, что «анализ и синтез нераздельны». Поскольку «пролетариат идет под знаменем *революционной науки*», предполагается, что он как бы автоматически, уже в силу особенностей своего классового бытия, выступает и «коллективным философом», и носителем подлинно научного способа освоения мира. Эту иллюзию разделяет даже такой профессионально подготовленный марксист-исследователь, как Д. Лукач. Между тем, пролетарская идеологическая теория и тогда, когда она «отстает от практики» (чем Бухарин объясняет возникновение ревизионизма в рабочем движении), и тогда, когда она «опережает» социальную реальность, всегда остается конструкцией автономной и достаточно удаленной и от научного и от собственно философского знания. Ведь даже Ленин, будучи «гениальнейшим

теоретиком», всячески избегал «ученостей специфических». «Основные ориентировки пролетариата» оказываются лишь *созвучными*, т.е., по выражению Бухарина, «идущими по одной линии» с выводами из «научного анализа капиталистического общества». «Проблема *общественно-культурной функции знания* (как естественных, так и общественных наук)», решается, таким образом, марксизмом, как полагает Бухарин, по весьма упрощенной схеме: благодаря историческим преимуществам «классового субъекта», идеологическая, непосредственно данная в революционной практике «форма знания», в содержательном отношении не только полностью совпадает, но и гарантирует требуемую «степень адекватности» такого еще более высокого «способа представления», как «научно-философский синтез».

С этой односторонней - «синтетической» точки зрения, экстраполируемой на «буржуазную науку» и «буржуазную философию», отпадает необходимость в выявлении и учете каких бы то ни было отличий их от *буржуазной идеологии*. Последняя, точно так же, как и пролетарская идеология, трактуется весьма *расширительно*. Выходит, следовательно, что даже в том случае, когда ученый или философ (в буржуазном, разумеется, обществе) заимствует из марксизма элементы его *диалектико-материалистической* методологии, не будучи при этом приверженцем его *идеологической* парадигмы, (т.е. пользуется «источником, откуда усваиваются отдельные части с обычным «смягчением» всех революционных «углов»), он благополучно причисляется к разряду «критиков и фальсификаторов» марксизма в целом. На этом же основании в рядах оруженосцев (как это ни странно!) «буржуазной науки» у Бухарина оказываются и западноевропейские «с.- д. марксисты в кавычках», к философии и, тем более, науке как таковым чаще всего непосредственного отношения не имеющие.

Идеологическую ориентацию и философа, и ученого, нельзя, конечно, сбрасывать со счета, но сама по себе, без решающего вклада в соответствующую отрасль знания, она не придает веса и не повышает их рейтинг в глазах *философского* и *научного* сообщества. В то же время вся история марксизма свидетельствует о том, что степень «сцепления» как научной, так и философской его компоненты с образцами «всех мыслительных завоеваний» человечества несравненно прочнее, чем зависимость их, вместе взятых, от разрекламированной ортодоксами идеи «диктатуры пролетариата». Поэтому в «рассечении» Маркса «на ученого, с одной стороны, и революционера - с другой», заинтересованы прежде всего «про-

фессигнальные ученые буржуазии», а не выдающие себя за них его идеологические оппоненты, предпочитающие отбрасывать марксизм не «по частям», а целиком. «Непроглоченной», если употреблять известное выражение Ленина, почему-то чаще всего оставалась революционная сторона марксизма в ее ортодоксально-большевистской редакции. Что же касается остальных, то, действительно, «совершенно нелепыми являются... попытки оторвать экономическую теорию Маркса от его социологической теории, как нелепо отрывать его социологическое

учение (теорию исторического материализма) от его *философского* учения (теории диалектического материализма)», ибо в марксизме «философия впервые достигает своего социологического самопознания». ¹

Сохранившаяся на многие десятилетия установка ортодоксального (советского) марксизма на дифференциацию философии и науки по *классовому* признаку не только не способствовала его «творческому синтезу», но привела к их существенному обеднению, а в области обществензнания - и к полной его деформации. На деле водораздел между представителями мировой философской мысли с возникновением марксизма проходит не по линии марксистская и «буржуазная» философия, а в измерении ее как марксистской и *немарксистской*. Критерием различения этих фундаментальных направлений выступает приверженность (или, соответственно, неприятие) идеологической «составной части» марксизма. Философы немарксистской ориентации субъективно, разумеется, не принимают и диалектико-материалистическую методологию - в той мере, в какой она оказывается для них, как и для ортодоксальных марксистов, неразрывно связанной с базисной идеологической парадигмой. Однако *объективно* они, по словам Бухарина, *вынуждены* «таскать кое-какое оружие из арсенала своего противника» просто в силу того, что оно уже стало *всеобщим* достоянием.

Бухарин совершенно верно (вслед за Лениным и со ссылкой на него) подметил в этой связи и то, что «действительно ценные моменты» и «рациональные зерна есть в каждой системе», и то, что они «в *рациональной* форме содержатся уже в марксистской концепции». Отсюда следует, во-первых, что «теоретическое и действительно научное знание выше, истиннее, глубже поверхностного эмпиризма», а, во-вторых, что и «оно никогда не абсолютно, оно всегда более или менее односторонне, оно асимптотически приближается ко «всей» истине - в этом *процесс* исторического развития».

В отличие от немарксистов *философствующие антимарксисты*, составляя «необозримый», по выражению Бухарина, список всей «специально-критической литературы», заняты не столько «трусливым обкрадыванием», сколько «*сознательным* искажением» наследия Маркса. Специализируясь именно на «жесткой», т.е. апологетически - тенденциозной его критике, они являются в этой номинации уже не философами, а идеологами, так сказать, в «чистом» виде. «Это как раз и показывает все убожество и ограниченность доктринеров», без колебаний жертвующих как философским, так и научным содержанием марксизма во имя торжества

¹ Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 379, 358.

идеологически-спекулятивных построений. Среди идеологических оппонентов Маркса, конечно, немало и тех, кто выступает *от имени* науки (как, например, представитель экономического либерализма Людвиг фон Мизес), но линия разграничения здесь еще более очевидна. С одной стороны, марксизм столь органично, прочно и полно сливается с научным знанием, а, с другой, - наука столь многим обязана ему, что словосочетание «марксистская наука» сохраняет свой смысл главным образом для обозначения достигнутого в XIX в. исторического рубежа в *завершении* процесса ее *становления* (прежде всего в области обществензнания). В синхроническом аспекте вплоть до сегодняшнего дня данное разграничение оправдано с точки зрения выделения в марксизме его собственно научной компоненты *наряду* с идеологической.

В стремлении избежать «механического рядоположения» диалектической методологии и пролетарской идеологии, Бухарин придерживается ортодоксальной (т.е. отнюдь не диалектической) традиции в истолковании их соответствия. В духе абстрактного тождества он доводит взаимопроникновение «логической» и «социологической», по его терминологии, сторон марксизма до *полного слияния* их под эгидой идеологии и тем самым отступает от основополагающей установки на *диалектический «синтез»*. В этой *идеологически* (а, в конечном счете, также и идеалистически) мистифицированной форме диалектика приобрела столь же «модный» облик в России, как и во времена Гегеля в Германии, «так как, по-видимому, давала, - по словам Бухарина, - возможность набросить покрывало на существующее положение вещей».

Весьма показательны и то, что, подобно Гегелю, Бухарин не фиксирует *закономерный* характер выявившегося противоречия, усматривая в нем только происки классовых противников. Поэтому он ограничивается весьма поверхностной оценкой движущих сил *развития* марксизма. «Маркс, - по его словам, - всей своей жизнью и деятельностью доказал, что он был великим ученым *потому*, что он был великим революционером. И великим революционером он был именно *потому*, что он был великим ученым».¹

«Растворяя» научное содержание марксизма в его идеологической «ипостаси», Бухарин не преодолевает «дуализм» в оценке Маркса, а *уходит* от него в противоположную сторону. Проблема соотношения научной методологии и исторически конкретной (пролетарской) идеологии предполагает для своего разрешения выделение *детерминирующей* стороны данного противоречия. *Их механическое*

¹ Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 420.

«рядоположение», представленное в либеральной критике марксизма, как и абстрактное отождествление в интерпретации самого Бухарина оказываются в равной степени ошибочными.

В контексте разъяснений Бухарина на этот счет мы обнаруживаем незаметное для него самого «сползание» на теоретически неадекватную марксизму позицию *формализации* научного знания, когда противоречия выступают исключительно симптомом ошибки. «Материалистическая диалектика, - отмечает он, - есть основа всего учения Маркса и в то же время всеобщий *метод исследования*: к формальной логике, с ее застывшими, статическими категориями, она стоит в таком же отношении, как высшая математика по отношению к низшей: это есть логика противоречивых процессов и универсальных связей, где абстракции конкретны, где анализ и синтез нераздельны, где границы условны, где понятия максимально гибки». ¹ (Подчеркнуто мной. - М.К.) Вместе с тем, в ином текстуальном фрагменте он нечаянно «проговаривается», приписывая Ленину заслугу именно в «арифметической» *расшифровке* марксовой «алгебры революции». ^{14 15} Бухарин, сам того не желая, фактически подтверждает, что вся оригинальность ленинских теоретических положений, сформулированных «под более конкретным и под еще более практическим углом зрения», становится возможной лишь на основе упрощенной («арифметической») технологии. В свою очередь, он, например, совершенно справедливо указывает на *диалектически противоречивый характер* взаимосвязи *объекта* и *субъекта*: «это единство не есть тождество;.. борьба этих противоположностей гонит историю, причем эти противоположности взаимно проникают друг в друга». Но в «расшифровке», т.е. *конкретизации* этой исключительно важной «формулы», не распространяет принцип историзма на «субъекта» истории, допуская все ту же «арифметическую», фатальную для ортодоксального марксизма ошибку.

Точкой отсчета второй «фазы» или, по терминологии Бухарина, «полосы в развитии марксизма», выступает, как он полагает, возникновение II Интернационала (1889 г.) Начиная с этого времени он изменяет свою «физиономию», перерождаясь «в двух своих основных формах» - бернштейнианском ревизионизме и каутскианстве. «И практически и теоретически, - отмечает Бухарин, - между этими крыльями нет никакой существенной разницы», грань эта «условна» и со временем стирается вовсе. Тот факт, что Каутский не отказывается от апелляции к дока-

14 Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 352.

15 См.: Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 64.

зательной (логико-методологической) базе марксизма, а Бернштейн ее попросту игнорирует, для Бухарина значения не имеет. Ибо в итоге оба эти течения вливаются в одно русло неприятия Октябрьской революции, что равнозначно замене «революционной диалектики... обычным буржуазным демократически-эволюционным учением». (Подчеркнуто мной. - М.К.) Правда, Бухарин признает, что изначально «отход от марксизма» каутскианцев был все же «гораздо менее ясен» и осуществлялся «не с такой поспешностью, как у ревизионистов». Как бы то ни было, отступление «от *настоящего* ортодоксального» (т.е., по убеждению Бухарина, *аутентичного*) марксизма группа Каутского, именующая себя «радикальной или ортодоксально-марксистской», начинает еще в предвоенный период. Это, по выражению Бухарина, не было каким-то «моментальным, катастрофическим грехопадением». Новое «историческое лицо» марксизма «было *теоретически вполне обосновано*. Мы только *не замечали* этого *внутреннего перерождения* и в так называемом «ортодоксальном» крыле, которое с *действительной* ортодоксальностью имело *мало общего*». ¹ (Курсив мой. - М.К.)

Указание Бухарина на «теоретическую обоснованность» сделанных лидерами немецкой социал-демократии (главным образом это относится именно к Каутскому) практических выводов при всей ее негативной оценке заслуживает внимания. Бухарин усматривает в этом только «тенденцию *приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития*». (Курсив мой. - М.К.) Но фактически ссылка на «процесс *органического роста производительных сил с относительным процветанием рабочего класса*» допускает и совсем иную интерпретацию. «*Относительную устойчивость* капиталистического режима», коль скоро она базируется на «*органическом росте производительных сил*» и означает «цикл *органического* развития капитализма», вряд ли с позиции диалектико-материалистической методологии корректно рассматривать иначе как процесс *объективно детерминированный*, даже если он сопровождается «выделением и быстрым прогрессом *рабочей аристократии*». Бухарин демонстрирует лишь неспособность разглядеть в ходе наметившегося *медленного «врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма*» нечто большее, чем их «идеологическое перерождение». В известном смысле с ним можно согласиться в том (по крайней мере, это справедливо по отношению к Э. Бернштейну), что и западноевропейские социал-демократы

¹ Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 56.

«учитывали некоторые новые изменения в области... соотношения между экономикой и политикой» *под тем же «углом зрения»*.¹ Но это свидетельствует лишь об *общем* для «ревизионистов» и ортодоксов отходе и от диалектики, и от материализма. Вся разница в том, что «точка зрения гражданского мира» оборачивается своей противоположностью - непримиримой гражданской войной.

С помощью империалистической политики мировой капитализм, действительно, «свои наиболее *яркие противоречия отодвинул* на. колониальную периферию». В значительной степени за счет прикрываемого «цивилизаторской» миссией грабежа колониальных народов национальной буржуазии удалось повысить и жизненный уровень рабочего класса метрополий. Однако коренная причина возникновения т.н. «рабочей аристократии» определялась не только и даже не столько желанием «подкупить» часть пролетариата, сколько все той же универсальной потребностью «органического роста производительных сил».

Высокообразованная часть пролетариата выделялась из его общей массы вследствие происходящих *технологических* изменений в функционировании капиталистического способа производства и остановить этот процесс без ущерба для всего «прогрессивного» развития общества было невозможно. Вполне естественно, что за свой более сложный, *интеллектуально* насыщенный труд представители этой формирующейся социальной группы - составной части перспективного «среднего класса» - получали и более высокую заработную плату. Не удивительно также и то, что распространение получили «классические формулировки, *отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма*». Бухарин, конечно, прав в том, что «рабочая аристократия» представляет «совершенно другую идеологию, потому что налицо в значительной мере другая опора для этой идеологии». ^{16 17}
(Подчеркнуто мной. - М.К.)

Ошибка заключается лишь в том, что «физиономия» второй «фазы в развитии марксизма», обусловленной «*новой фазой в развитии капиталистических отношений*», подается исключительно под идеологическим (а, следовательно, в итоге - *идеалистическим*) «углом зрения». Ортодоксальный марксист Бухарин, разумеется, не допускает и мысли о какой-либо *позитивной* связи «марксистской фразеологии» в устах его «эпигонов» с научно-теоретическим содержанием уче-

16 См.: Там же.

17 См.: Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 57.

ния Маркса, коль скоро отвергается его идеологически однозначная «революционная сущность». Однако при этом игнорируется *«исторический характер субъекта, который проходит также [как и объект. - М.К.] фазы своего диалектического развития»*.¹ (Курсив мой. - М.К.)

Полувековое хроническое отставание России от промышленно развитого Запада, где уже начали складываться предпосылки для перехода к постиндустриальному этапу, в том числе в виде ростков нового класса («когнитариата»), выступает объективным основанием подобной аберрации.

Свойственное ортодоксальным марксистам *избирательное* отношение к диалектике наглядно проявляется у Бухарина и в вопросе о роли *«объективных внутренних противоречий»* в общественном развитии. Буржуазное общество, пишет он, *«развивая свои противоречия»*, подготавливает *«материальные предпосылки социализма, обостряет противоречия интересов между классами, которые являются носителями основных противоречий капитализма...»*^{18 19} (Курсив мой. - М.К.) Когда речь идет о капитализме, противоречия, по мысли Бухарина, выполняют, таким образом, разрушительную, *сузубо деструктивную* функцию. До тех пор, пока рабочий класс и его *«революционная партия занимают положение борющихся за власть»*, - подчеркивает он, - во всех решительно идеологических работах,.. мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все противоречивые стороны. *Нам теоретически важно отмечать все противоречия, которые практически важно углублять»*.²⁰ (Подчеркнуто мной. - М.К.) На фоне раздираемого внутренними противоречиями капитализма марксизм противостоит буржуазной идеологии как некий *монолит*, т.е. «наиболее резко действующий клин», вбиваемый для устранения «всех основных неслаженностей капиталистического общества». Когда же *«рабочий класс становится у власти»* и «перед ним встает задача *склеивания* различных частей общественного целого», в структуре марксизма, тем более, в соответствии с такого рода пониманием «диалектики», нет места для *каких бы то ни было* диалектических противоречий.

18 См.: Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 351.

19 Там же. С. 395 - 396, 358.

20 Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 62.

Лишая учение Маркса продиктованного собственной логикой его развития основного противоречия (между «духом» и «буквой»), Бухарин не замечает того, что пролетариат в этом случае, как и «буржуазия, тяготеет к «вечным категориям». Ортодоксальные марксисты и сегодня не в силах отказаться от представления о *всеохватывающем* и *неизменном* совпадении научного знания и пролетарской идеологической теории. Между тем, будучи в силу специфики идеологии как формы общественного сознания достаточно инертной (т.е., как это ни парадоксально, «консервативной») «составной частью» марксизма, учение о всемирно-исторической миссии пролетариата не обязано превращаться в *догму*.
Задача качественного обновления идеологической теории марксизма актуализируется, по крайней мере, со времени научно-технической революции и перехода экономически развитых стран в середине XX в. к «развернутому строительству» информационного общества.